

УДК 37.013.73

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ АКСИОЛОГИЧНОСТЬ ХРИСТИАНСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ

Н.Л. Шеховская

Белгородский государственный университет, 308007 г. Белгород, ул. Студенческая, 14,
e-meil: Shechovskaya@bsu.edu.ru

В статье рассматривается христианская антропология как духовно-философская основа нравственного воспитания личности. Применяв методы сравнительно-исторического анализа и логического синтеза, автор устанавливает совпадения и параллелизм в понимании данного феномена русскими мыслителями Н. А. Бердяевым, И. А. Ильиным, В. В. Зеньковским. Высказывается точка зрения, что их взгляды продолжают развитие христианско-гуманистической традиции, начало которой положил известный русских педагог К. Д. Ушинский.

Ключевые слова: история педагогической мысли, христианская антропология, нравственное воспитание, духовное воспитание,

Антропологизм как течение философской мысли имеет глубокие исторические и интеллектуальные корни. «Философский энциклопедический словарь» (1989 г.) определяет антропологизм как философскую концепцию, представители которой усматривают в понятии «человек» основную мировоззренческую категорию и утверждают, что, только исходя из нее, можно разработать систему представлений о природе, обществе и мышлении. «Новейший философский словарь» (1998 г.) по сути дела дает такую же сущностную характеристику антропологизма, но обращает внимание на его значение как методологического философского принципа. Оба Словаря различают антропологизм материалистический и идеалистический, не углубляясь в дальнейшую дифференциацию и даже не упоминая об антропологизме во взглядах русских философских мыслителей второй половины XIX – первой половины XX вв.

Между тем именно их идеи в значительной степени сформировали, духовно и интеллектуально насытили тот гуманистически специфичный пласт в философском учении о человеке, который стал известен как христианская антропология. Вполне объективно и обоснованно Л. Е. Моторина пишет: «Особенность раскрытия антропологической темы в русской философии заключается в универсальном подходе к проблеме человеческого существования. В ней никогда не пытались выделить учение о человеке в отдельную область, хотя проблема человека всегда была главной» [7, 29]. В подтверждение этого тезиса Л. Е. Моторина ссылается на христианско-религиозных философов – Н. А. Бердяева, И. А. Ильина, В. В. Зеньковского, С. Л. Франка, С. Н. Булгакова и др.

Антропологическая тема в русской религиозной философии, по мнению Моториной, более связана с *христианской антропологией*, нежели с научными антропологиями, уже существовавшими в то время. Определяя сущность антропологизма, Н. А. Бердяев писал, что антропология неизбежно ставит человека между Богом и природой или между культурой и природой, и в зависимости от того, как она определяет эти соотношения, слагаются ее типы. Антропология, по мнению философа, должна качественно выделить человека из природы, и она это делает или признавая, что он есть существо, в котором пробуждается разум, или признавая его существом социальным и цивилизованным, в котором непосредственная природа перерабатывается культурой.

Н. А. Бердяев различал антропологию идеализма, натуралистического эволюционизма, социологизма и психопатологии и считал, что в них схвачены лишь отдель-

ные существенные черты человека, но ни одно из этих направлений не раскрывает цельность человеческой природы.

В итоге этих рассуждений может быть поставлен вывод философа о том, что ни один из известных нам типов антропологических учений не может быть признан удовлетворительным и исчерпывающим. Как заслуга материализма в антропологии воспринимается резюме: «Научно наиболее сильно определение человека как создателя орудий (*homo faber*). Орудие, продолжающее человеческую руку, выделило человека из природы» [1, 60]. Заслуга идеализма в том, что он «определяет человека как посетителя разума и ценностей логических, этических и эстетических» (Там же).

Но, замечает Бердяев, остается непонятным, каким же образом соединяется природный человек с разумом и идеальными ценностями. Ответ на этот вопрос дает христианская антропология, которая, по Бердяеву, бесконечно выше всех антропологий философских. «Антропология христианская, – писал философ, – должна раскрыться как учение о человеке-творце, носящем образ и подобие Творца мира. Это означает раскрытие учения о человеке как существе духовном и свободном, способном возвышаться над природой и подчинять ее себе» [1, 58].

Философско-педагогические взгляды мыслителей второй половины XIX – первой половины XX вв. фундаментально антропологичны. Их антропологизм интровертивен: стремится проникнуть вглубь, в духовную субстанцию человека; и в то же время экстравертивен: на основе духовности выстраивает личностную парадигму человека, которая учитывает его внешние, межличностные и социальные отношения, морально-этические нормы, аксиологическую самореализацию. Благодаря этому антропологизм рассматриваемых мыслителей становится методологически основополагающим для теории воспитания, можно сказать, фундирует всю философию педагогики.

Антропологизм для русских философско-педагогических мыслителей исторически и духовно традиционен, и подтверждением этому служат уже названия основных трудов некоторых из них: К. Д. Ушинский – «**Человек** как предмет воспитания. Опыт педагогической **антропологии**»; В. В. Зеньковский – «Проблемы воспитания в свете христианской **антропологии**»; Н. А. Бердяев – «О назначении **человека**»; И. А. Ильин – «Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и **человека**» (выделено нами – Н.Ш.).

Учение русских религиозных мыслителей о человеке не может быть отнесено ни к одному из вышеперечисленных типов антропологизма. Это – христианский антропологизм, который, по мнению Бердяева, наиболее полно раскрывает духовную сущность целостного человека.

«В основе христианской антропологии, – писал Н. А. Бердяев, – лежат две идеи: 1) человек есть образ и подобие Бога – Творца и 2) Бог вочеловечился, Сын Божий явился нам как богочеловек» [1, 61]. Из этих основных христианских идей философ делал главный антропологический вывод: «Как образ и подобие Творца, человек сам есть творец и призван к творчеству, к творческому соучастию в деле Творца» (Там же).

«Идея богочеловека стоит в центре христианской антропологии, – утверждал Н. А. Бердяев. – Человек есть существо, отпавшее от Бога, и человек есть существо, получающее благодать от Бога. Таков круг христианской антропологии» [1, 56].

В своей философской исповеди «Самопознание» Н. А. Бердяев признавался: «Вот как я осознал для себя основной миф христианской богочеловечности: это есть тайна двойного рождения, рождения Бога в человеке и рождения человека в Боге. В Боге есть нужда в человеке, в творческом ответе на божественный зов». [2, 166]. Необычайно дерзновенной называл Н. А. Бердяев мысль о том, что Бог нуждается в человеке как субъекте своего существования («не только человек не может жить без Бога, но и Бог не может жить без человека») (Там же), но без этого дерзновения, по его мнению, откровение Богочеловечества лишается смысла.

У Бога и человека, полагал философ, единая задача – завершить творение мира. Бог не закончил его и поручил человеку, создав человека по своему образу и подобию,

т.е. наделил возможностью и способностью к творчеству на самых вершинах духа: «Творчество есть продолжение миротворения. Продолжение и завершение миротворения есть дело богочеловеческое, Божье творчество с человеком, человеческое творчество с Богом» [2, 200].

Современник Бердяева философ Федор А. Степун заметил, что доверие к Богу в творчестве Бердяева достигает такой высоты, что переходит в чувство тождественности с ним. Однако максимализм этого суждения неоправдан.

Соизмеримость между Богом и человеком вовсе не означает их равновеликости, равнозначности. Идея богочеловечества в интерпретации Бердяева приближает Бога к человеку, а человека к Богу, снимает с Бога искусственно созданный ореол грозного, карающего судьи, делает человека и Бога со-участниками, со-трудниками в деле преобразования мира.

Педагогическое пространство христианской антропологии Н. А. Бердяева многомерно: это и учение о человеке как образе и подобии Божьем; это и поднимающая человека к горным высотам духа мысль о его назначении как со-ратника, со-деятеля, со-творца Бога в созидании и преобразовании мира – мысль, формирующая в личности активно-творческое отношение к жизни; это и понимание свободы как независимого и ответственно осознанного выбора между добром и злом.

Роль христианской антропологии как методологической основы духовно-нравственного воспитания личности наиболее глубоко осмыслена, проанализирована и прогностически развита В. В. Зеньковским.

По его мнению, разработка вопросов христианской антропологии чрезвычайно важна для современного мира, «столь глубоко отошедшего от христианства», – важна потому, что никогда прежде не была в высшей степени обнажена внутренняя неустроенность человека, его неумение «овладеть тайной духовного равновесия». [5, 432].

«Современная научная и философская мысль, – писал В. В. Зеньковский, – с особым усердием занимается «загадкой» человека, но вся эта огромная литература, в которой можно найти достаточное обилие частичных истин о человеке, не может подняться до такой высоты в понимании человека, какую мы находим в христианстве, в его основных озарениях. Увы, современной научной мысли остаются чужды основные принципы христианской антропологии...» (Там же). Свою задачу как философа и педагога В. В. Зеньковский видел в том, чтобы приблизить христианское учение о человеке к современной философской мысли.

Зеньковскому так же, как Бердяеву, Ильину, а если обратиться к истокам русской христианско-гуманистической традиции в педагогике – Ушинскому, свойственно исходить в истолковании дефиниции «человек» из трихотомии «тело – душа – дух». Эта общность основы антропологической концепции детерминирована присущим философско-педагогическим мыслителям единством христианского мировоззрения. В. В. Зеньковский отмечал, что указанная трихотомия встречается еще в учении ап. Павла. «У ап. Павла, давшего основные идеи для христианской антропологии, как известно, встречается и дихотомия, и трихотомия» [5, 464].

По утверждению Зеньковского, сфера тела и сфера душевно-духовная в человеке не «склеены» вместе, а образуют в нем живое единство. «Если человек не есть тело + душа + дух, если он есть живое единство всех его сил и живет единой жизнью, – писал философ, – то это значит, что он всегда и во всем и телесен, и духовен» [5, 439].

Подчеркивая эту сущностную основу природы человека, В. В. Зеньковский вместе с тем указывал, что в свете христианской антропологии природа человека освещается иначе, чем в натуралистическом ее понимании. Христианская антропология исходит из того, что «духовное начало в человеке есть корень и источник индивидуальности в человеке, источник его неповторимости во всей живой целостности состава человека» [4, 237].

По мнению философа-педагога, воспитание плодотворно лишь в той мере, в какой оно обращено к духовной жизни, пронизано верой в Бога, способно зажечь детскую

душу любовью к добру и правде. В связи с этим рассматривал В. В. Зеньковский в свете христианской антропологии проблемы религиозного воспитания детей. Философ-педагог подчеркивал, что связать душу ребенка с Церковью невозможно только уроками, только преподаванием Закона Божия, что основное не в сообщении знаний о Боге, а в том, чтобы способствовать росту и углублению духовной жизни. Преподаватель, обращая внимание философ-педагог, должен стремиться не к обучению, а к воспитанию учеников, однако нельзя переложить на одного человека «всю тяжесть религиозного воспитания».

Особую актуальность для нашей современности сохраняет, как мы думаем, вывод Зеньковского о том, что «для религиозного воспитания нужны предпосылки, из которых главной является здоровая атмосфера самой окружающей жизни» [3, 159].

Современной школой, на наш взгляд, должно быть учтено суждение В. В. Зеньковского о том, что рост церковности, выражающийся в сближении личности с Христом, надежно противостоит «неверному развитию личности» – индивидуализму, ставшему в наши дни реальной угрозой отчуждения и разобщения в обществе. «Развитие личности, – писал философ-педагог, – должно не обособлять нас от других, а должно сближать со всеми, – но это возможно лишь в Церкви как богочеловеческом организме» [4, 154].

В свете христианской антропологии, доказывал В. В. Зеньковский, должна быть воспитана личность: 1) духовная, 2) целостная, 3) иерархически организованная, но гармонично развитая даже при аксиологической неоднозначности составляющих, 4) морально-нравственная, в которой есть неразложимое единство оценки и поведения, 5) обладающая духовным характером, 6) облагороженная верой и религиозностью – в религиозном вдохновении главный фактор духовного просветления, духовного устроения, 7) свободная, т. е. такая, поступки которой определяются только совестью и находящимся в согласии с ней нравственным долгом.

Вне христианской антропологии невозможно объективное, научно достоверное исследование педагогических идей И. А. Ильина, в частности, о духовно-нравственном воспитании личности. Философ-педагог – в отличие от Зеньковского и Бердяева – не употреблял дефиницию «христианская антропология», но это не значит, что он не принимал ее сущностной основы или придерживался иных принципов в объяснении происхождения и назначения человека.

Раскрывая суть религиозного опыта, который он определял как духовно-аксиологическое достояние личности, И. А. Ильин исходит прежде всего и только из христианского учения о человеке. Принципиально значимой для Ильина является трихотомия «тело – душа – дух». Как и другие философско-педагогические мыслители, И. А. Ильин считает доминантным в ней дух, имманентно присущий человеку.

Человеческому духу философ-педагог отводит роль самостоятельного творческого центра, которая ему присуща уже по самому существу своему. Это – центр любви и созерцания, совестная воля, субъект права, созерцающий художник, верующее сердце, Божий слуга. Эту гамму аксиолого-этических признаков, определяющих сферы реализации духа, И. А. Ильин заключает: «В этом состоит самая природа духовности, в этом призвание и достоинство человека» [6, 43], «дух есть по существу своему начало самодеятельное и самоопределяющееся» [6, 52].

Если обратиться к истокам христианско-гуманистической традиции русской педагогики, в контексте которой анализируется методологическое значение христианской антропологии, – к К. Д. Ушинскому, то правомерно утверждать, что именно она легла в основу его теории воспитания, и «Педагогическая антропология» мыслителя – и по форме, и по содержанию – есть христианская антропология.

Христианский антропологизм педагогического исследования – не преднамеренный, не субъективно заданный, а объективное следствие христианско-философского мировосприятия ученого.

К. Д. Ушинский однозначно утверждал, что антропология должна составлять основу воспитания. Воспитание, по его мнению, должно вкоренить в сознание личности вечные истины христианства. Следовательно, педагогическая антропология, ставящая своей задачей раскрыть весь состав человека – тело, душу, дух, не может быть не христианской.

Христианская антропология К. Д. Ушинского снимает как несостоятельные, выстроенные в угоду ранее бытовавшей идеологической концепции рассуждения о дуализме педагога-философа, о противоречивости, полуматериалистичности – полуидеалистичности его мировоззрения.

Значение христианской антропологии для современной российской педагогики заключается в том, что следование ее принципам будет способствовать духовному воспитанию новой личности, ее сближению с Церковью, наполнять духовностью весь учебно-воспитательный процесс, противостоять формированию эгоизма и индивидуализма, которые в наши дни стали реальной угрозой отчуждения и разобщения в обществе. Христианский антропологизм утверждает педагогический идеал личности, основополагающими качествами которой являются Вера, Истина, Любовь, Честь и Совесть.

Список литературы

1. Бердяев, Н. А. О назначении человека. Опыт парадоксальной этики. / Н.А. Бердяев. О назначении человека. – М.: Республика, 1993. – С. 20–252.
2. Бердяев, Н. А. Самопознание (опыт философской автобиографии).
3. Н. А. Бердяев. – М.: Международные отношения, 1990. – 336 с.
4. Зеньковский, В. В. Педагогика. / Протоиерей В. Зеньковский. – Клин: Фонд «Христианская жизнь», 2002. – С. 6–163.
5. Зеньковский, В. В. Проблемы воспитания в свете христианской антропологии. / Протоиерей В. В. Зеньковский. – Клин: Фонд «Христианская жизнь», 2002. – С. 6–245.
6. Зеньковский, В. В. Принципы православной антропологии. / Василий Зеньковский. // Русская религиозная антропология. Т. 2. Антология. – М.: Московский философский фонд, Московская духовная академия, 1997. – С. 431–463.
7. Ильин, И. А. Аксиомы религиозного опыта. / И. А. Ильин. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. – 586 с.
8. Моторина, Л. Е. Философская антропология: Учеб. пособие для вузов. / Л. Е. Моторина. – М.: Высш. шк., 2003. – 256 с.
9. Ушинский, К. Д. Педагогические сочинения: В 6 т. / К. Д. Ушинский. – М.: Педагогика, 1988–1990.

PEDAGOGICAL ANTHROPOLOGY OF CHRISTIAN ANTHROPOLOGY

N.L. Shechovskaya

Belgorod State University, Stencheskaja St., 14, Belgorod, 308007, Russia,
e-mail: . Shechovskaya@bsu.edu.ru

The article considers Christian anthropology as the religious and philosophical basis for moral education of individual. Applying methods of comparative-historical analysis and logical synthesis, the author determines coincidences and parallelism in understanding of this phenomenon by Russian thinkers N.A.Berdyayev, I.A.Ilin, V.V.Zenkovskiy. It is noted their views keep on the development of philosophic-pedagogical tradition initiated by outstanding Russian pedagogue K.D.Ushinsky.

Key words: the history of pedagogical thoughts, christianic anthropology, moral upbringing, spiritual upbringing.